

Вперед, к победе коммунизма!

Близится канун великого праздника, когда над городами и селами страны вспыхнет тысяча раз повторенная на фронтах домов и транспарантах знаменательная дата — XXVIII. Великой Октябрьской социалистической революции минет тридцать лет!

Год за годом отмечают советский народ, все прогрессивное человечество этот день, открывший новую эру всемирной истории, день, проложивший путь к новой жизни на земле. Через века и тысячелетия в каждую годовщину Октября люди неизменно будут возвращаться мыслью к героическим дням первой в мире социалистической революции, свергнувшей класс эксплуататоров и установившей в власти класс пролетариата. Никогда не канет в Лету память о титанической борьбе, о победах советского народа, отстаивавшего в жестоких боях свое социалистическое Отечество.

Каждый год перед наступлением всенародного праздника Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза обращается к трудящимся, к нашим зарубежным друзьям с Призывами, в которых выражены мысли, воля, стремления всего советского народа. Этими большими документами являются эти Призывы, в которых с большой полнотой и ясностью отражена политика партии и правительства, политика мира, дружбы и солидарности.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза шлет братский привет всем народам, борющимся за мир, за демократию, за социализм. Партия говорит:

— Трудящиеся всех стран! Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца! Крепите единство народов в борьбе за мир!

Эти слова звучат над всем земным шаром, их повторяют вместе с нами зарубежные друзья, эти слова — в сердцах всех трудящихся людей. Лагерь мира, лагерь социализма, собравший под свои знамена свыше трети человечества, крепнет день ото дня. Его не может ослабить никакие усилия империалистов, пытающихся сейчас под прикрытием так называемого «западно-европейского союза» осуществить черные планы вооружения Западной Германии. Пусть крепнет солидарность народов в борьбе против возрождения германского милитаризма, против агрессивных военных группировок! За прочный мир и коллективную безопасность для всех европейских народов!

Животворные идеи Великого Октября вдохновляют трудящихся стран народной демократии, успешно борющихся за дальнейший подъем народного хозяйства, за неуклонное повышение благосостояния трудящихся, за построение социалистического общества.

От имени советского народа Коммунистическая партия шлет горячий братский привет великому китайскому народу. Нерушимая дружба и сотрудничество, связывающие народы Китая и СССР, — могучий фактор мира во всем мире. Радостно сознавать, что 37-ю годовщину Октября наши китайские друзья встречают новыми успехами в борьбе за подъем народного хозяйства и культуры, за индустриализацию страны, за построение основ социализма. Слова братского приветия шлет Коммунистическая партия Советского Союза героическим народам Кореи, Кореи Народно-Демократической Республики и Демократической Республики Вьетнам. Мы рады тому, что трудящиеся этих стран, борясь за мир, успешно восстанавливают свое народное хозяйство.

В заключительных и ясных строках Призывов выражены миролюбивые дружеские чувства трудящихся Советской страны к народам всего мира. Искренне, от всего сердца повторяют трудящиеся слова Призывов: пусть растет и крепнет нерушимая дружба между германским и советским народами на благо укрепления мира в Европе! Пусть ширится и крепнет дружба и сотрудничество между народами Советского Союза и Индии на благо мира во всем мире!

Братский привет шлем мы народам колониальных и зависимых стран, борющимся против империалистического гнета за свободу и национальную независимость.

Советский народ провожает здравичу в честь друзей народов Англии, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза в их борьбе за дальнейшее ослабление международной напряженности, за предотвращение войны и обеспечение прочного мира во всем мире! Пусть крепнет дружба и сотрудничество между народами социалистической Отчины и народами Франции и Италии в их борьбе за мир! Мы шлем привет японскому народу, мужественно борющемуся за национальную независимость своей родины.

Единодушную поддержку находят среди народов всех стран миролюбивая внешняя политика Советского Союза — неизбежная политика сохранения и упрочения мира, политика борьбы против подготовки и развязывания новой войны, политика международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами.

Борясь за мир, советские люди неустанно работают об усилении могущества со-

циалистической Отчины, об укреплении ее обороноспособности. К воинам Советской Армии и Флота обращены вдохновенные слова Призывов. Пусть здравствуют и крепнут овеянные славой побед Советские Вооруженные Силы, стоящие на страже мира и безопасности нашей Родины!

В дорогом для советского человека документе слышен голос партии, обращенный ко всем людям труда. Партия говорит с шахтером и ученым, металлургом и артистом, колхозником и писателем, рыбаком и связистом, врачом и комбайнером. Весь народ внимает Призывам Коммунистической партии, проникнутым огромной заботой о благо советских людей.

Заботой о непрерывном повышении материального и культурного уровня советского народа руководствовалась партия, вдохновляя трудящихся на борьбу за индустриализацию страны, за создание могучей материально-технической базы социализма. Величайшие успехи достигнуты. Партия зовет советских людей к новым успехам, к новому подъему социалистического соревнования за досрочное выполнение пятого пятилетнего плана.

— Рабочие и работницы, инженеры и техники, мастера! Боритесь за выполнение плана производства всех видов продукции! Вскрывайте и используйте новые резервы производства! Шире внедряйте в производство достижения науки, техники и передового опыта! Улучшайте качество, снижайте себестоимость продукции!

По всей стране разнесены эти слова. Горячий отклик вызвали они у металлургов Урала, шахтеров Донбасса, рыбаков Балтики, еще ярче разгорятся огни соревнования на предприятиях страны. Такова сила Призывов славной Коммунистической партии — воля и учителя советского народа.

Мудрость и прозрачность партии, ее забота о народном благе нашли яркое подтверждение в той программе борьбы за крупный подъем сельского хозяйства, что начертана в исторических решениях по вопросам сельского хозяйства. В нынешнем году посевная площадь под яровые культуры весной 1954 года увеличилась в колхозах и совхозах на 9,5 миллиона гектаров по сравнению с прошлым годом, значительные успехи по освоению целинных и залежных земель. Это лишь начало. В ближайшие два года предстоит довести посевы зерновых и других сельскохозяйственных культур на вновь осваиваемых землях до 28—30 миллионов гектаров.

К дальнейшему успехам в развитии социалистического сельского хозяйства зовут Призывы партии:

— Работники сельского хозяйства! Боритесь за мощный подъем всех отраслей социалистического сельского хозяйства! Дадим стране больше зерна, молока, мяса, шерсти, хлопка, льна, сахарной свеклы, картофеля, овощей и других сельскохозяйственных продуктов!

С первых дней создания советского государственного аппарата партия неустанно боролась за его четкую работу, боролась с тяжелым наследием, оставшимся от прошлого, — с бюрократизмом и волокитой. Коммунистическая партия призывает работников советских учреждений совершенствовать работу государственного аппарата, искоренять бюрократизм и волокиту, чутко относиться к запросам и нуждам трудящихся, строго соблюдать социалистическую законность.

В канун Великого Октябрьской социалистической революции советский человек оглядывая пройденный путь и воочию видя, как расцвела у нас наука и техника, литература и искусство.

Советский народ законно гордится своей самой идейной, самой передовой, самой гуманной в мире литературой, на знамени которой начертаны слова дружбы и мира между народами, литературой, проникнутой горячей любовью к человеку. Требовательность читателя к ней продвигала глубоким пониманием великих целей, стоящих перед советской литературой, уважением и любовью к инженерам человеческих душ.

— Работники литературы и искусства! — призывает Центральный Комитет партии. — Боритесь за дальнейшее развитие советской литературы и искусства! Повышайте идейный и художественный уровень своего творчества! Создавайте произведения, достойные нашего великого народа!

Октябрьский праздник приходит к нам в то время, когда народ Советской страны, сплоченный вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, одерживает новые и новые успехи в коммунистическом строительстве.

Прекрасны приметы нашего советского сегодня, отмеченного могучим политическим и трудовым подъемом масс. Смело, с глубокой верой и убежденностью смотрит советский народ в будущее, отдавая свои помыслы, энергию, знания, силы великому делу построения коммунизма. С гордостью повторяем мы слова знаменитых Призывов Центрального Комитета партии:

Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза — великая вдохновляющая и руководящая сила советского народа в борьбе за построение коммунизма!

Под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, под руководством Коммунистической партии — вперед, к победе коммунизма!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 128 (3312)

Вторник, 26 октября 1954 г.

Цена 40 коп.

К СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

Недавно один начинающий — термин довольно расплывчатый — или же молодой — эпитет весьма условный — поэт прислал мне объемистую тетрадь стихов, которые он хотел бы издать в виде сборника. «К сожалению», — как бы извиняется он в препроводительном письме, — это все лирика. «Впрочем», — добавляет мой корреспондент, — теперь, кажется, и лирика разрешается». По поводу этих двух фраз я, конечно, ответил поэту: никогда, мол, лирика не была у нас под запретом, важно только — какая лирика, есть ли в ней своеобразия — неотъемлемый признак поэзии вообще — и представляет ли она интерес для широких кругов читателей, затрагивает ли она, кроме мимолетных чувств, и общие жизненные вопросы... Этим черт я, к сожалению, в присланной тетради не нашел, но не в этом дело.

Я ответил моему корреспонденту, но ничего, думаю, не досталось. Лирика в широком смысле слова — это ответ поэта на все явления жизни, происходящие его личным отношением к этим явлениям. Сколько бы мы ни толковали о так называемом «лирическом гере», лирика Гёте и Гейне, Байрона и Петфи, Вийона и Мюссе, Мицкевича и Словацкого, Пушкина и Некрасова, Блока и Маяковского, Тычины и Тувима — прежде всего отражение личных переживаний авторов. И пусть не раскрасные стихи продиктованы его гражданским негодованием или же глумлением и скорбной любовью к народу, а Фет, скажем, закрепляет в слове свои мимолетные, неясные чувства и ощущения, вызванные любовью к женщине или восторгом перед природой, и Некрасов и Фет неспроста говорят от первого лица, от «я». Это не исключает, конечно, и такого положения, когда автор пользуется речью от первого лица как приемом, выражая от имени «я» чувства и мысли типичного, как ему кажется, «героя нашего времени».

Но это уже до некоторой степени отход от того, что мы называем лирикой в собственном смысле слова. Однако часто у нас говорят о лирике в более узком смысле, о любовной лирике. Именно к этому разряду и принадлежат стихи в посланной мне тетради. Они, мне кажется, искренни... Но ведь искренность, — об этом уже никто не спорит, — никак не может быть единственным мерлом при оценке художественных произведений. Присланные мне стихи банальны, — вот в чем беда. С. И. Маршак не так давно высказал мнение, что напрасно мы, делая, советуем молодым поэтам заботиться об оригинальности, своеобразии, «своем голосе» и т. п. Это, мол, само придет, если человек талантлив. Так ли? Вспомним работу Пушкина над рукописями, вспомним его переписку с друзьями и согласимся: великий поэт заботился не только о милых его сердцу простоте и ясности, но и об удалении всего тривиального, всего затасканного, всего слишком обыкновенного. Правда поэтических вещей, написанных «слишком духом», «в порыве вдохновения», заключается, между прочим, и в беспощадном вымарывании пришедших эпитетов, метафор, рифм и т. п., в замене их свежими, новыми, своими...

«Слишком обыкновенных» рифм боялся, как огня, Маяковский. Это, однако, не значит, что есть, так сказать, «запрещенные рифмы», типа «кровь — любовь». Нет, и «кровь — любовь» могут быть оправданы, даже не нуждаются в оправдании, если они употреблены к месту, если все стихотворение полно и по-своему выражает мысль или настроения автора и если это стихотворение, эта мысль представляют общий интерес. Оригинальность — это не только право поэта, это его обязанность. Речь идет, разумеется, только о такой оригинальности, которая находит отклик в душе читателя, которая не сводится по поверхности к выводу, а проникает в их глубь, которая заставляет читателя сказать: да ведь это я сам думал, я сам чувствовал, только не умел выразить, а он, поэт, выразил. Стихи самого Маршак являются как раз примером такой оригинальности.

Возвращаясь к вопросу об интимной, в частности любовной лирике. У нас принято братья словами: «альбомные стихотворения». Основание для этого дают ничтожные по содержанию, меекие по мысли и по чувству стихи, которые нет-нет да и проскальзывают в нашу литературу.

Но прочтем вот эти несколько строк: Когда пролетных птиц несется вереница От зминых бурь и выюг и стонут в вышине, Не осуждай их, друг! Весной вернутся птицы Знакомым им путем к желанной стороне. Но, слыша голос их печальный, вспомни друга! Едва надежда вновь блеснет моей судьбе, На крыльях радости помчусь я быстро к юга

Опять на север, вновь к Тебе!

Это стихотворение написал Адам Мицкевич, перевел Валерий Брюсов. Альбомное? Ну, еще бы! Это видно даже из заголовка: «В альбом Каролине Лиян». Но можно ли не почувствовать всю глубиную человеческого чувства, вложенного в это стихотворение, всю значительность его не только для самого поэта, но и для читателя, который скажет: да ведь я и переживал нечто подобное!

При желании можно назвать альбомным и знаменитое «Я вас любил» Пушкина с его благородным самоотречением во имя высокой, полнотной и совсем не «себяной» любви! При этой воле даже дерзновенный «Валерик» (так до недавнего времени было принято называть это стихотворение без заглавия) можно объявить «альбомным стихом», рассказом офицера о мало-значительной стычке в горах... А ведь это

стихотворение — одна из первых нот в русской литературе, провозвещавших симфонию «Войны и мира»!

В какой-то степени мой корреспондент прав: не жадуют интимную лирику товарищи редакторы и критики, просто даже побавляется ее... Не говорю уже о той преувеличенной стыдливости, с которой они иногда отворачиваются от естественного выражения человеческих чувств. Улыбку, которой обменяется женатый, скажем, человек с незнакомой девушкой, некоторые наши ханжи-перестраховщики, этикие самозванные цензоры нравов, готовы объявить проявлением «аморальности», проповедью «нравственной распущенности» и т. п. Этак недалеко до того, чтобы зачеркнуть лучшие перлы мировой поэзии, как «аморальные произведения»!

Не в чести у редакторов, да и у некоторых критиков и «пейзажная» лирика. Художник-живописец может изобразить уголок леса или степи, море или реку, — никто не требует у него обязательных человеческих фигур. При этом совершенно справедливо вспоминают, что Левитан, к примеру, задуманно изображал русскую природу, тем самым изображал русского человека, его печали, его порывы, его чаяния. К поэтам такое соображение не применяется.

Нет! Полнота жизни во всех ее проявлениях, полнота отражения ее всеми красками и тонами — вот что дано советскому писателю в отличие от писателя капиталистических стран, зависящих от требований и вкусов потребителей и заказчиков или же героически борющихся против этих требований и вкусов во имя свободы, во имя правды, во имя народа.

Наша литература, наша поэзия народны в подлинном смысле слова. Дети народа творят ее для народа. И если я взял под защиту некоторые подвиги самодеятельного гонимого вида поэзии, в частности лирики, то отнюдь не для того, чтобы противопоставить их тем центральным темам нашей поэзии. Эти темы — солидарный коллективный труд, уничтожение пережитков старого, неразрывное братство советских народов, советский патриотизм, дружба всех трудящихся земного шара, борьба за мир во всем мире, построение коммунизма. Они, эти темы, являются общими для всех литератур многонационального Советского Союза. Они стоят в центре и той литературы, в которой я работаю, — литературы украинской.

Советская многонациональная поэзия чрезвычайно богата разными поэтическими голосами, яркими и своеобразными. Вспомним, например, Александра Твардовского и Симона Чикована, Аркадия Венцшова и Ольгу Берггольц, Антаса Буцкова и Мирзо Турус-заде. Мне приятно отметить, что по-хорошему, творчески многообразна и украинская поэзия.

Далеко за пределами Украины, да и Советского Союза известны имена Павла Тычины, Микола Бажана, Владимира Сосюра, Андрея Малышко. Первые три поэта из названных стоят у истоков советской украинской литературы, четвертый пришел в нее позже — пришел со своим свежим и мужественным голосом, который особенно окреп в дни Великой Отечественной войны.

На примере названных имен можно видеть, как пожелание Маяковского, чтобы было побольше поэтов «хороших и разных», пожелание, не всегда с полной искренностью и последовательностью разделяемое нашими критиками, нашло свое осуществление. Чрезвычайно своеобразна творческая манера Тычины, — его ни с кем не спутать. Имя много общего в своем новаторстве с Маяковским. Тычина переключается и с народными украинскими думами, и со «Словом о полку Игореве», и с Пушкиным и Шевченко, которых любит от трепетной любовью, и всюду остается собой, остается неповторимым, остается Тычиной.

Принято говорить о музыке, которая лежит в основе поэзии Тычины, причем имеется в виду не только внешняя музыкальность формы, стиха, но и музыкальное восприятие мира, о котором в свое время — в применении к себе — писал Брюкс. Это музыкальное восприятие мира выразилось уже в названии первой книги поэта «Солнечные клареты». Мне, однако, пришлось уже высказать мысль, что Тычина весьма свойственно, наряду с музыкальностью, другое чувство — чувство красок, живописное видение мира. Эта черта особенно ярко сказалась в поэме «Похороны друга».

Тычина — поэт нового человека, нового мира, поэт красоты творческого труда, — неспроста другая книжка его стихотворений озаглавлена «Пуг». — поэт большой нежности и большой любви, не чулкающийся, однако, и нежных лирических мелодий. Он, мне кажется, может быть примером той полноты человеческих мыслей и чувств, о которой я говорил в первом разделе статьи.

Суров, не лишен даже некоторой торжественности творческий облик Микола Бажана. Его влечет к себе героическое. С глубоким проникновением говорит он о патриотизме наших предков (поэма «Даниил Галицкий»), сдержанной взволнованностью отмечена его трилогия о жизненном подвиге великого гражданина, беззаветного коммуниста Сергея Мироновича Кирова, — трилогия, пластичность образов и богатство колорита которой по справедливости признаны и критиками и читателями. В его стихах о капиталистическом Западе («Английские впечатления») много четкой логики, много величавого гнева, что особенно отчается спокойным, внешне лирическим тоном изложения. Бажан, подобно Тычине, — последователь-

ный поборник дружбы народов. Его цикл стихотворений «У Спасской башни» посвящен великой теме извечного братства русского и украинского народов, и среди ряда произведений наших поэтов на эту тему — а кто на все не откликнется! — цикл Бажана выделяется строгостью формы, богатством красок, глубиной освещения.

Тычина написал такие стихи, как «Детство Ованеса», «Давид Гурамишвили читает Григорию Сквороде «Витязя в тигровой шкуре», ему принадлежит заслуга ознакомления украинских читателей с творчеством многих грузинских, армянских, болгарских поэтов, не говоря уже об очень тонких переводах русской поэзии, в частности, стихотворного наследия Максима Горького. Бажан, автор замечательных «Стихов о Грузии» и «Узбекистанских стихов», очень много сделал как переводчик, редактор переводов и пропагандист поэзии Маяковского, он стяжал себе заслуженную славу образцовым переводчиком «Витязя в тигровой шкуре» Руставели и «Давитяни» Гурамишвили. Я заговорил о переводческом деле потому, что оно — одно из самых ярких и конкретных проявлений дружбы народов. И надо сказать, что лет, пожалуй, ни одного сколько-нибудь заметного украинского поэта, который прошел бы мимо этого благородного дела.

Владимир Сосюра — лирик по преимуществу, хотя у него и есть опыты в эпическом жанре. Его называют иногда «певцом Донбасса», но это определение несколько узко. Он — поэт человеческого сердца. Большое впечатление произведет у нас его цикл «Красная зима», являющийся и поныне одним из лучших отражений в советской поэзии периода гражданской войны. «Такой я нежный, такой тревожный», — определил себя поэт в одном стихотворении. Определение в общем верное, но бывают моменты, когда голос поэта обретает суровый, мужественный тон, когда звучит у него «медная струна» гражданской песни. Достаточно вспомнить такие стихи, как инвектива «Ответ», обращенная к националистической мразь, как саркастическое «Неокассикам».

Совершенно справедливо, однако, указывает критика на некоторые идейные колебания, а то и заблуждения, свойственные отдельным вещам Сосюры, на однообразие приемов и переживание самого себя, которые отмечены некоторые книги поэта, особенно последнего времени.

Если бы я писал критический или историко-литературный обзор украинской советской поэзии, то должен был бы вспомнить и отдельные срывы в творчестве Тычины и Бажана, например, дань увлеченному формализму и не до конца додуманным новаторством в некоторых произведениях Тычины (к примеру, в книге «Чернигов»), и абстрактность, чрезмерную усложненность, противоречивость в стихах раннего Бажана... Но это — заметки поэта, это — голос читателя. Как поэт и читатель, я хочу и должен в первую очередь подчеркнуть то хорошее, что принес в нашу литературу значительный советский украинский поэт Павел Тычина, Владимир Сосюра, Микола Бажан. К этим именам по справедливости, как недавно говорил об этом Андрей Малышко, должно быть присоединено имя талантливого, безвременного погибшего в дни гражданской войны Василя Чумака.

Андрей Малышко принадлежит к младшему поколению. Его звонкий голос уверенно и ярко звучал еще до Великой Отечественной войны, но именно во время войны и в последующие годы обрел он полную свою силу. Идущий во многом от украинской народной песни, от традиций Шевченко и Фельдывича, переключаясь с такими русскими поэтами, как Михаил Коцюбинский и Александр Твардовский, Малышко пленяет своей неподдельной искренностью, разнообразием тематики, богатым запасом мелодий и яркостью национальных черт. Ему не чужд эпический жанр, но такие его поэмы, как «Прометей» и «Эго было на рассвете», посвященные любовному и вдумчивому изображению высших душевных качеств советского человека, назову прозаичными горячим лиризмом. Книга Малышко «За синим морем» полна бичующей ненавистью к представителям мира «мистеров и гангстеров» и горячей любви к трудящимся, к жертвам социального гнета и расовой дискриминации, к людям, готовым выступить на решительный бой с миром гнета и несправедливости... Стихи Малышко о партии, о ее руководителях, о Сталине — таких стихов, конечно, немало и у Тычины, и у Бажана, и у Сосюры — подкупающе просты и задушевы.

Опыт-таки — прошу не сетовать на меня, что я не говорю об отдельных недочетах Малышко, например, о не всегда внимательном отношении его к стихотворной форме, о некоторых неоправданных вольностях в обращении с языком и т. п., — я говорю о том Малышко, который дорог мне, читателю и товарищу, дорог, я это знаю, советскому народу.

Говоря о советской украинской поэзии, хочется прежде всего склонить чело перед светлой памятью павших смертью храбрых в боях за Родину Костя Горьсаменко, Арона Копштейна, Микола Шпак и погибших во Львове от вражеской руки в первый день Великой Отечественной войны Степана Тудора и Александра Галандока.

Талантлив, своеобразный лирик Герасименко, острый, но лишенный юмористической и сатирической складки, живой, наблюдательный и восприимчивый Копштейн гоним, безусловно, дать еще много нашей литературе. Светлым и чистым

Работники литературы и искусства! Боритесь за дальнейшее развитие советской литературы и искусства! Повышайте идейный и художественный уровень своего творчества! Создавайте произведения, достойные нашего великого народа!

(Из Призывов ЦК КПСС к 37-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции).

Богатство нашей поэзии

Максим РЫЛЬСКИЙ

остался в нашей памяти Микола Шпак, поэт вдохновенного труда и легкой любви, обретший в своем поэтическом арсенале в дни Отечественной войны оружие злейшего сатирика, которым и разил он врагов, как боец партизанского соединения.

Степан Тудор, всю красоту своей творческой силы выразивший в прозе («День отца Сойки»), и Александр Гаврилов, изведавший муки концлагеря в шпалетской Польше и поведавший о них гневными и полными оптимизма словами, были непоколебимыми поэтами-революционерами, борцами за свободу Западной Украины, за воссоединение ее с Советской Украиной. Их творческое наследие невелико, но весьма значительно по идейному содержанию.

В разное время пришли в литературу, но широко известные читателям М. Терещенко (автор одного из первых в украинской поэзии произведений на украинско-национальную тематику — «Цень-Цань», плодотворный переводчик), Л. Перемомайский, П. Усенко, С. Головановский, М. Шеренет, П. Вырпан, Т. Масенко, О. Ющенко, В. Бычко, Г. Плоткин (последние четыре, работая в тесном сотрудничестве с композиторами, приобрели популярность как поэты-песенники), М. Нагнибеда, Л. Дмитренко (в последнее время уделяющий много внимания драматургии, в частности, довольно редкому теперь в виду — пьесам в стихах), М. Стельмах (поэт ярко выраженного национального стиля, проявивший себя в военные и, главным образом, послевоенные годы как значительный и весьма самобытный прозаик), И. Муратов (тоже много работающий в области прозы). Этот перечень нельзя закончить, если не будут названы П. Дорошко, С. Крыжановский, В. Шпец, Е. Гончаренко, обнаруживающий, как и П. Некода, определенную тягу к эпическому жанру, в котором они напуг о периоде Великой Отечественной войны, тонкий и глубокий лирик А. Пидсуха, Ш. Воронько, Я. Шпорта, В. Траченко, М. Руденко, опубликовавший недавно интересную поэму о герое Великой Отечественной войны, погибшем под Ленинградом, — «Микола Красношолка», К. Дрок, закарпатский поэт Ю. Гойда, Е. Бандуренко, поэтесса-колхозница Параска Амброзий и Фросина Карпенко (очень, кстати, примечательное явление).

О творчестве Леонида Перемомайского много спорили и спорят, оно подвергалось справедливому, а порой и несправедливому обвинениям. Можно сказать одно: поэт с раздельной трагической складкой, но раз опавшийся, но давний нашей литературе и ряд сильных, продиктованных подлинным советским патриотизмом вещей, несомненно, переживает выход из творческого кризиса, чему свидетельством служит недавно опубликованная его поэма «На крутых берегах».

Вызывает споры творчество Ивана Вырпана, в особенности язык его произведения, но талантливость поэта и то многое хорошее, что дала ему выскатательная любовь именно к языку, не следует опасаться.

Начало творчества Платона Воронько связывают обыкновенно с военным периодом, с пребыванием поэта в партизанском соединении С. А. Ковшака. Да, поэт-партизан, поэт-боец, поэт-песенник, мужественный и жизнедеятельный, — таким вошел он в нашу литературу. Но в последние военные годы его диапазон все больше расширяется, и совершенно новые ноты зазвучали в его недавно опубликованной поэме, посвященной образу Леси Украинки и отношению к этому образу наших современников, — «Рождение легенды». Поэма вызывает споры, но споры того рода, которые разгораются только вокруг истинно поэтических произведений.

Среди книг талантливого Ярослава Шпорты следует особо упомянуть «Иранскую тетрадь», как один из примеров интернационализма нашей поэзии.

Широкая тематика и светлый, радостный тон свойственны одному из популярных наших поэтов — М. Нагнибеде, прославившемуся вдохновенный труд советских людей и друзей народов.

Хотелось бы назвать еще имена М. Руца, Л. Забашты, Б. Степанюка, М. Шаповала, О. Лодака, В. Лагоды, П. Горещко, О. Юренко, Д. Павлычко... Последний — молодой львовский поэт — сразу обратил на себя внимание свежестью и ясностью творческой манеры.

Успешно работают в области юмора и сатиры С. Олейник, С. Воскресенко, Д. Белоус, в области «детской» поэзии — Н. Забаша, М. Пригара (жалко, что почти совершенно отошли они от поэзии «взрослой»), М. Познанская, Б. Чальский...

Особого разговора заслуживает отряд русских поэтов, работающих на Украине; среди них можно с любовью назвать имена П. Беспощадного, Н. Ушакова, Б. Паливчука, В. Кондратенко...

Есть ли в чем укрепить наших поэтов, нашу поэзию? Еще бы! Следовало бы поговорить о бедности языка многих из них, о недостаточном внимании к стихотворной форме, о некоторой узости тематического круга, что сказывается особенно в области произведений на темы, посвященные рабочему классу, следовало бы указать на слишком малое знакомство с мировой литературой, с жизнью народа и его прошлым, но это все недостатки, которые изо дня в день изживаются... Те высокие темы, о которых я говорил в конце первого раздела, все более углубленно развиваются советскими украинскими поэтами. И как девиз всей современной нашей поэзии, всей нашей литературы, мы можем поставить знаменитые слова Павла Тычины:

Партия ведет!

Советские люди любят свою родную литературу, многие сами пробуют свои силы — пишут стихи, рассказы, пьесы. На снимке: клавишник автобусного цеха Московского автозавода имени Сталина А. Колотиевский читает друзьям свои стихи. Фото В. Зубина

НАЧАЛО РАЗГОВОРА О КРИТИКАХ

И. КАРАБУТЕНКО

В предсезонских статьях, которые публикуются в украинских республиканских газетах, много справедливых упреков высказывается в адрес критиков и литературоведов Украины.

Немало правильных замечаний содержится и в других статьях: «К новым творческим победам!» И. Дмитрико, «Литературная критика и жизнь» В. Палийчука, «Критиковать со знанием дела» В. Шубова.

Несомненно, все эти серьезные замечания заставляют критиков и литературоведов серьезно улучшить свою работу.

В самом деле, во всех статьях в «полужителю» плане не названа ни одна критическая работа, ни одна фамилия критика и литературоведа.

Думается, такой подход к делу нельзя считать верным. И правильно поступила «Литературная газета», предоставив недавно место для обзорной статьи А. Троянецкого, в которой названы важнейшие работы украинских критиков и литературоведов.

В самом деле, при всех серьезных недостатках работы критиков нетрудно заметить, что за последние годы, с тех пор как партийной печатью была разоблачена группа критиков-антипатриотов, началась весьма заметная работа критических кадров.

О зрелости и многообещающих творческих возможностях украинских критиков разных поколений свидетельствует все более смелое обращение к самым разнообразным жанрам критических работ: это и статьи о мастерстве писателей и исследования по отдельным вопросам доктринальной и современной литературы.

А разве не показатель факт появления большого количества монографий и литературно-критических сборников? Не все они, конечно, равноценны, слабо исследуется в них индивидуальная творческая манера писателя, однако опыт постепенно накапливается, силы растут.

Л. НОВИЧЕНКО

Заметки об украинской прозе

Когда думаешь о послевоенной украинской прозе и, в частности, о ее развитии за последние шесть лет, прошедших после второго республиканского съезда писателей, прежде всего радуешься ее большому и неоспоримому успеху.

Украинские прозаики работают над темами, общими для всей советской литературы, внимательно наблюдая за творчеством русских писателей и следуя их благородным примерам.

Здесь и великие народные движения прошлого — «Переславская рада» Н. Рыбака, «Надвип'як» И. Ле, «Устим Кармалюк» В. Бучера, «Блокада України» П. Панча.

гие очерки написаны в духе безудержного захваливания писателей, содержат противоречивые и даже ошибочные теоретические положения (например, М. Пархоменко неверно трактовал проблему типического, считая типичным в нашей жизни только положительное).

В деятельности украинских критиков еще немало недостатков, промахов и упущений. Часто еще критический разбор сводится к анализу идейно-тематических особенностей произведения, собственно художественная ткань остается вне поля зрения критиков.

В действительности украинских критиков еще немало недостатков, промахов и упущений. Часто еще критический разбор сводится к анализу идейно-тематических особенностей произведения, собственно художественная ткань остается вне поля зрения критиков.

Но нельзя забывать и о том, что общий подъем критики в незначительной степени зависит от преобладающей тенденции пренебрежительного отношения к работам критиков в отдельных издательствах.

Идейно-творческому росту украинских критиков (и, кстати, более широкому ознакомлению всевозможного читателя с украинской литературой) будет способствовать всемерное углубление связей центральных газет, журналов и издательств с критиками и литературоведами Украины.

Значительно больше и оперативнее мог бы выпускать Гослитиздат лучшие работы о классиках украинской литературы.

Статья ближе к жизни, к тому новому, что беспреданно творится и возникает в ней, такая неотложная задача стоит сейчас перед многими украинскими прозаиками.

Что мешает некоторым украинским прозаикам создавать яркие, полноценные картины современной жизни советских людей, их вдохновенного труда и духовного роста?

Думается, что здесь сказываются как ограничения круга авторов, работающих «на индустриальном материале», так и общее недостаточное внимание Союза советских писателей Украины к теме рабочего класса.

Думается, что здесь сказываются как ограничения круга авторов, работающих «на индустриальном материале», так и общее недостаточное внимание Союза советских писателей Украины к теме рабочего класса.

Немногом больше, чем о рабочем классе, появилось за последние 3—4 года интересных книг о жизни современного колхозного села, о творческом труде советской интеллигенции, о росте и воспитании нашего юношества.

Авторов еще предстоит решить серьезные идейно-художественные задачи, в частности, необходимо более широко показывать историческую эпоху, заботиться одновременно о большей сосредоточенности композиции на главных сюжетных линиях.

Большим явлением литературы социалистического реализма принадлежит ныне законченная трилогия «Песнь над водами» выдающейся польской писательницы Ванды Василевской, члена творческого коллектива украинских литераторов.

НАШИ ПОЖЕЛАНИЯ

Несколько вопросов хотелось бы поставить нам в связи с тем большим разговором о дальнейших путях развития украинской советской литературы, который, безусловно, развернется на третьем съезде советских писателей Украины.

Прежде всего хочется обратить внимание на участок литературы, о котором в последние годы говорится у нас много и горячо, но где, к сожалению, нет пока ощутимых изменений.

И еще одно пожелание. Больше приключенческих книг! Старые уже зачитаны до дыр. Нужны, очень нужны книги о сильных, мужественных, зорких и бдительных людях, наших героях-современниках.

Теперь еще об одном важном деле. Хорошие книги издаются почему-то ограниченным тиражом, их трудно получить в библиотеку, трудно купить.

И еще одно пожелание. Больше приключенческих книг! Старые уже зачитаны до дыр. Нужны, очень нужны книги о сильных, мужественных, зорких и бдительных людях, наших героях-современниках.

Хорошие книги издаются почему-то ограниченным тиражом, их трудно получить в библиотеку, трудно купить. Писатели должны представлять на съезде серьезный счет издателям, которые количественно одинаково издают и произведения нужные, актуальные, написанные мастерски, с чувством, и книжки холодные, посредственные, а иногда и просто лишние.

Работники завода «Большевик»: А. ЗАГУРСКИЙ, фрезеровщик, С. ХЛЕВНОК, контролер ОТК, В. НИЦЕТА, бухгалтер гаража.

КИЕВ

На литературном разезде (Перець, № 19)

Поэту Терену Масенко

В недавней дискуссии, посвященной современной украинской лирике, поэт Терен Масенко выступил в защиту «альбомной поэзии», отомытая ее со всей любовной лирикой.

В своей недавно вышедшей книге Т. Масенко включил такие стихи:

ЛЮБОВЬ
Мир мой сделала ты сказкою золотой,
осветила дружны лаской молодость...

Не жизнь, а сказка! Стелет карьеру самобранку-скатерть на облещ...

В порядке поэтической дискуссии

Сидите, мысля в неге постоянной, что жизнь сладка и розова, как торт...

И почему в слащавой этой сказке, которой так увлекся наш поэт, она должна заботиться о ласке, а он — герой стихотворения — нет?

И если хлопот девицы толковой напишет «сказку» наболю в блонот, — дивчина бросит щеголя таконого и на свиданье больше не придет.

его прочтут, и что-ж таконого, пусть его в альбом, в тетрадку перешнут, а лучше — будут помнить наизусть

Бор. ПАЛИЙЧУК

Между съездами

79.327 тыс. — таков тираж 2.500 книг (поэтических, прозаических и драматургических произведений украинских советских писателей), выпущенных республиканскими издательствами художественной литературы и областными книжно-журналистскими издательствами за 6 лет, прошедших между вторым и третьим съездами советских писателей Украины.

За это же время в издательствах Украины в переводах с других языков на украинский изданы 892 книги (учте-

ны только художественные произведения) общим тиражом в 32.230 тыс. экземпляров. С русского языка переведено на украинский 557 книг, с языков народов СССР — 121, с языков стран народной демократии — 67 и с других иностранных языков — 47.

515 художественных произведений 95 украинских писателей, общим тиражом в 25.915 тыс. экз., переведены на русский язык и языки народов СССР и изданы в период между вторым и треть-

им съездами советских писателей Украины. 357 из них изданы на русском языке.

Только за последний год в областных и республиканских издательствах вышло в свет около 30 первых книг молодых литераторов. Среди них — «Семена Паша» Ю. Мухоморова, «Дорога приваля» В. Барановского, «Австралийская трагедия» П. Гуцала, сатирические стихи и басни М. Билецкого, А. Косматенко, детские рассказы Ф. Бабанского, А. Божено и других.

Усиление борьбы за мастерство, за всемерное повышение реалистической художественной культуры — вот чем в значительной мере определяются дальнейшие творческие успехи украинских прозаиков.

В украинской прозе работает ряд мастеров, отличающихся «лицом не общим выраженьем». Быстро растет и талантливая, требовательная к себе молодежь, вошедшая в литературу за последние годы. В то же время, перечитывая всю массу книг, вышедших, скажем, за год, видишь, как значительно иногда бывает «разрыв» между достижениями ведущих писателей и художественным уровнем многих «рядовых» произведений, в том числе даже тех, которые находят в общем сочувственных отзывах критики.

Актуальное значение для современной украинской прозы имеет вопрос о творческом продолжении традиций, о развитии разнообразных художественных направлений, имеющих своей единой основой общий для всех советских писателей метод социалистического реализма.

О. Гончар в интересной статье «И проза должна быть поэтичной», опубликованной в «Литературной газете», горячо призывает товарищей по перу развить в современной прозе «лирическое», поэтическое начало, насыщать ее образами приподнято-романтического звучания.

Уступать больше в нашей прозе «хороших и разных» произведений, насыщенных глубоким реализмом и красочной романтикой. Но одновременно — и об этом особенно уместно напомнить сейчас — нам нужно развивать и традиции великой эпики Толстого и Горького с ее «визуальными панорамами действительности», с ее непревзойденным мастерством социально-психологического анализа, с ее стремлением к развернутым философско-историческим обобщениям.

Широкое обсуждение многообразных творческих вопросов современной прозы на открывающемся на днях съезде писателей Украины, несомненно, поможет ее дальнейшему успешному развитию.

Товарищам по работе

Писатель и наука

В преддверии Второго съезда писателей Советского Союза мы хотим поделиться...

Открытое письмо

при журналах, издательствах и альманахах только в том случае, если во главе этих издательств, журналов и альманахов...

А эти наиболее авторитетные руководители могли бы в своем очерке вложить в редакционную работу и сылотить вокруг себя...

Иначе говоря, мы считаем целесообразным, чтобы пользующиеся общественным доверием писатели...

В настоящее время уровень редакционной работы, особенно в издательствах, очень низок.

Вся история литературы говорит о том, что писатели создают писателей, что не в широкой мере...

Что касается комиссий ССП, то ликвидация их, если таковая произойдет (а она, по нашему мнению, должна произойти), едва ли оживит хоть одного...

Но тут следует сразу и без обиняков сказать о том, что творческая атмосфера и творческий актив могут быть созданы...

цена в новом большом общесоюзном журнале «Дружба народов», в редакции которого войдут представители наших крупнейших литераторов...

Что дала нашей критике комиссия ССП по критике? Что она произвела на свет? Кого направила? Кого удержала? Кого...

Талантливые молодые авторы, писатели из краев и областей, детские писатели и драматурги до сих пор продвигались в литературу...

Что касается комиссии по иностранной литературе, то нам кажется, что, наряду с созданием журнала типа «Иностранная литература»...

Мы полагаем, что предлагаемые меры приведут к положительным и серьезным переменам в литературной жизни, приблизят Союз писателей к творческому...

Мы убеждены в том, что все эти наши соображения направлены к укреплению Союза писателей, как коллективной творческой организации силы нашей литературы.

Хотелось бы, чтобы товарищи по работе отозвались на это письмо.

В. КАВЕРИН, Эм. КАЗАКЕВИЧ, Мих. ЛУКОНИН, С. МАРШАК, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, Ст. ШИПАЧЕВ.

1. В те дни, когда, вернувшись с острова Сахалина, Чехов работал над книгой о своей поездке, в научных кругах Москвы произошел один чрезвычайный интересный эпизод.

Профессор Московского университета Климент Аркадьевич Тимирязев выступил со статьей против профессора Московского же университета А. П. Богданова, который был тогда собою важная преемственная особа...

«Сия особа продолжает безнаказанно все, что ей угодно. И вот Тимирязев выступил в поход...» — писал разгневанный Чехов, переслав брошюру Тимирязева «Народная наука» редактору одной из петербургских газет.

Как, наверное, негодовал бы Чехов, если кто-нибудь предложил бы ему не писать пока этого фельетона, а положить потому, что в споре между профессорами многим еще неясно, кто из них прав!

В другом научном споре, захватившем в те годы самые широкие круги общества, Чехов тоже открыто выступил на стороне переловой науки.

Такова традиция великой русской литературы, которая всегда была поборницей передовых идей своего времени.

Я не знаю, как бы ответил Писарев почтенным профессорам, которые посоветовали бы ему «подождать», пока закончатся дискуссии.

Но, видимо, ответ этот был бы еще более энергичным, чем его ответ тем ученым, которые одобряли теорию Дарвина...

Ученые эти резко осудили позицию Леопольда — Вихрова на обсуждении романа «Русский лес»...

Писатель, глубоко изучивший то, о чем он пишет, до конца убежденный в правоте дела, которое он отстаивает своим пером, может, а иногда и должен вмешиваться в дискуссию...

Об этих тенденциях некоторой части ученых, может быть, не стоило бы говорить, если бы они в той или иной форме не находили отклика в литературной среде.

В своей статье он, между прочим, сетует на то, что даже в хорошие книги попадают сведения и сообщения, популяризирующие «научно-мифические предположения»...

Об этих тенденциях некоторой части ученых, может быть, не стоило бы говорить, если бы они в той или иной форме не находили отклика в литературной среде.

В своей статье он, между прочим, сетует на то, что даже в хорошие книги попадают сведения и сообщения, популяризирующие «научно-мифические предположения»...

Об этих тенденциях некоторой части ученых, может быть, не стоило бы говорить, если бы они в той или иной форме не находили отклика в литературной среде.

В своей статье он, между прочим, сетует на то, что даже в хорошие книги попадают сведения и сообщения, популяризирующие «научно-мифические предположения»...

Об этих тенденциях некоторой части ученых, может быть, не стоило бы говорить, если бы они в той или иной форме не находили отклика в литературной среде.

В своей статье он, между прочим, сетует на то, что даже в хорошие книги попадают сведения и сообщения, популяризирующие «научно-мифические предположения»...

Об этих тенденциях некоторой части ученых, может быть, не стоило бы говорить, если бы они в той или иной форме не находили отклика в литературной среде.

В своей статье он, между прочим, сетует на то, что даже в хорошие книги попадают сведения и сообщения, популяризирующие «научно-мифические предположения»...

Об этих тенденциях некоторой части ученых, может быть, не стоило бы говорить, если бы они в той или иной форме не находили отклика в литературной среде.

В своей статье он, между прочим, сетует на то, что даже в хорошие книги попадают сведения и сообщения, популяризирующие «научно-мифические предположения»...

Об этих тенденциях некоторой части ученых, может быть, не стоило бы говорить, если бы они в той или иной форме не находили отклика в литературной среде.

В своей статье он, между прочим, сетует на то, что даже в хорошие книги попадают сведения и сообщения, популяризирующие «научно-мифические предположения»...

Об этих тенденциях некоторой части ученых, может быть, не стоило бы говорить, если бы они в той или иной форме не находили отклика в литературной среде.

В своей статье он, между прочим, сетует на то, что даже в хорошие книги попадают сведения и сообщения, популяризирующие «научно-мифические предположения»...

Об этих тенденциях некоторой части ученых, может быть, не стоило бы говорить, если бы они в той или иной форме не находили отклика в литературной среде.

В своей статье он, между прочим, сетует на то, что даже в хорошие книги попадают сведения и сообщения, популяризирующие «научно-мифические предположения»...

Геннадий ФИШ

путь арбитрами сегодняшних дискуссий. Слов нет, жизнь литератора, пишущего о науке, текла бы куда спокойнее, если бы он следовал советам «повернуть»...

«Подожждать» конца научного спора. Но в этом случае книги, посвященные, к примеру, борьбе за мичуринское учение...

Надо помнить (слишком уж легко это забывается), что не раз бывает успешна, а пирами усеян путь литераторов, ратующих за новое направление в науке.

По моему глубокому убеждению, писателю правильно делало, что не ожидал, чем закончится дискуссия, которая велась тогда на страницах научных журналов.

Требование некоторой части ученых, чтобы писатель подождал, пока кончатся дискуссии, — это, по существу, запрещает вторгаться в жизнь, обрекая ученого на роль летописца преданий старины глубокой.

Когда Алексей Кожневиков писал роман «Живая вода», он всецело был на стороне своих героев, открывавших новые пути в науке и практике орошения.

Марията Натанян в споре ученых и специалистов по добыче эстонских сланцев также не стала ожидать ни того, пока победит одна из точек зрения, чтобы присоединиться к ней, ни того, когда она сама...

Сомнения и на свой скромный опыт. Когда в мае 1939 года на Украине, на полях Ново-Мажорского района Кировоградской области, мне довелось увидеть, с каким успехом колхозники в борьбе с вредной черепашкой используют кур, должен ли я был молчать об этом и «ждать» лишь потому, что многие ученые считали такой способ борьбы с черепашкой ненаучным?

В колхозе «Заветы Ленина», в селе Малецкое, в августе этого года произошло событие, значение которого для всего земледелия с каждым годом будет становиться все яснее.

Должны ли были литераторы, и в первую очередь представители самого оперативного жанра — очеркисты, ждать решений всесоюзного совещания, состоявшегося в августе 1954 года, или обязаны были выступать как разведчики народа, партии?

Образ Малецкова, его идея, его борьба уже давно стали достоянием советской художественной литературы. Они по-разному отражались в стихах, очерках, пьесах И. Винниченко, Я. Власова, А. Горобовой, В. Матова, В. Овечкина и других.

В этом произведении, написанном в самый разгар борьбы новатора с теми, кто ему мешал, писатель не только доказывает позицию Терентия Малецкова, но и убеждает читателей в ее правильности. Он был союзником своего героя и в вопросах, по которым тогда шла дискуссия.

Не страшно обвинений в том, что «канонизирует» точку зрения Малецкова, не дожидаясь окончания дискуссии. Может быть, поэтому, — а я уверен, что именно поэтому, — и сейчас, переживая страницы, написанные Яковом Власовым четырнадцать лет назад, возвращаясь, переживая с его героями острые конфликты, и книга его, вышедшая в 1940 году, помогает понять нынешний этап развития теории Малецкова.

Глубокие знания материала помогают писателю «оборвать» именно ту жизненную ленту, которая способствует развитию образа. «Мы не знаем языка для страстей, которых мы не испытываем», — писал еще Гельций. Истость отстаиваемой позиции помогает писателю найти точные и весомые слова, обогащает его интонацию.

Вот почему очерк И. Власова всей своей художественной тканью, несмотря на некоторую неровность, оказалась значительно ярче и долговечнее некоторых других очерков, посвященных той же теме.

Очерковая повесть Александры Горобовой «Малецкая весна», опубликованная на десять лет позже, несмотря на то, что многое в ней правильно узнано и записано, оставляет читателя равнодушным. Причиной этого потому, что она рассказывает читателю о злободневнейшем деле, об острых конфликтах нашей действительности именно так, как советуют некоторые «осторожные» товарищи, — касаясь только тех вопросов, по которым уже приняты решения.

В те дни, когда писательница побывала в колхозе «Заветы Ленина», самым интересным там было то, что в очерке не пошло. Именно тогда закладывался тот опыт, результаты которого и стали предметом обсуждения всесоюзного совещания в августе 1954 года.

Но А. Горобова ни словом не обмолвилась об этом, и очерк ее из-за этого только пропал.

Другой писатель — Владимир Матов примерно в то же время, что и А. Горобова, побывал в колхозе «Заветы Ленина». Матов ни разу не упомянул, вникая в суть дела, и в его отлично написанном очерке «Заврабский самородок» говорится и об опыте, который закладывался в те дни в колхозе «Заветы Ленина». Уже в этом очерке не получила в свое время широкого общественного отклика, то мне кажется, причина здесь опять-таки в том, что об этом опыте, к которому подвела Терентия Малецкова вся его творческая жизнь, сказано под занавес, скороговоркой, как об одном из многих очередных экспериментов. Писатель не подчеркнул всю острую полемичность этого смелого эксперимента и то, какое значение он может иметь для земледелия.

А. М. Горький писал: «В нашей литературе не должно быть резкого различия между художественной и научно-популярной книгой. Как этого добиться? Как сделать просветительную книгу действенной и эмоциональной?»

Прежде всего — еще раз! — наша книга о достижениях науки и техники должна давать не только конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенно преодоление трудностей и поиски верного метода.

Легко говорить о традициях, заветных нам Максимом Горьким, но гораздо труднее сделать им в повседневной литературной практике. Когда писатель изображает науку и технику, следуя завету Горького, не как склад готовых открытий и изобретений, а как арену борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиции, то он должен быть готовым к тому, чтобы вместе со своим героем (а иногда и за него) принять удар от этих, также живых, конкретных носителей преобладающих традиций.

Советские писатели, выполняя свой гражданский, партийный долг, не уклоняются от борьбы, а советы «повернуть» становятся все менее доказательными. Но раз они выжили сейчас на страницах журналов, оставив их без ответа, значит, они не посещали совещания у молодых литераторов, которых волнуют проблемы науки и их выражение в художественной литературе. Эти советы направлены не на развешивание борьбы мнений в науке, а на борьбу с мнениями. Они не способствуют развитию творческих дискуссий, а, наоборот, направлены на то, чтобы пригнать их. Они противостоят свободному духу нашей жизни, привлекающей все более и более широкие массы к творческому, в том числе и научному, труду. Эти советы выражают стремление некоторой части ученых отгородить научные дискуссии от внимания широкой общественности, до которой существование этих советов может довести обобщенное слово художника, литератора, публициста. Но вряд ли писатель, для которого каждая книга должна быть открытием новых сторон жизни, согласится на унизительную роль колонизатора давно открытых и даже уже давно закрытых Америк!

Стремление отгородить от непосвященных характерным образом для жрецов «чистой науки», треножник которой колеблется под напором новых идей. Эти советы противостоят призыву А. М. Горького вторгаться в жизнь, — ведь наука она из тех сторон жизни, которая с каждым годом становится все важнее и важнее. Правда, каждая наука имеет свои особенности. О необходимости их знать и тщательно изучать тем литераторам, которые пишут о науке и борьбе идей в науке, много говорить не приходится. Немало еще у нас, литераторов, промахов, ошибок, ляпсусов. Но разве кто-нибудь решится заявить, что писатель имеет право писать и о чем-нибудь другом, — о «морской душе», «попытайся цезарь», о Петре Первом, — не позная предмета своих книг?

И последнее: об объективности и об объективизме. В последнее время у нас нередко раздаются упреки в адрес литераторов, пишущих о науке, что они-де в своих симпатичных приращениях и односторонности. А я при этом всегда вспоминаю обращенные к писателям слова Салтыкова-Щедрина: «Ничто в такой степени не возбуждает уместную деятельность, не заставляет открывать новые стороны предмета и явлений, как сознательные симпатии или антипатии». Без этой, по выражению Щедрина, «подстрекающей силки» многое осталось бы не замеченным для взора человека, равнодушного которого слишком часто принимают за объективность.

Не жалея, пока новое завоеует себе всеобщее признание, а помогать утверждению этого нового в жизни — такова трудная, беспоконная, но благородная задача писателя, потому что, как сказал Чехов, «все то лучше, что мы делаем, есть дело народное». И если наша литература в тех произведениях, где писатели касались проблем науки, имеет некоторые успехи, то это только потому, что она следует заветам Горького.

Литературная газета № 228 26 октября 1954 г.

Далеко от столицы

От Москвы до Иркутска — пять тысяч километров, пять суток езды в пассажирском экспрессе. Для человека, редко выезжающего из столицы, — расстояние огромное. Однако крупный промышленный и культурный центр — город на Ангаре живет полнокровной жизнью, словно ничего не подозревая о своей отдаленности.

От Москвы до Иркутска — пять тысяч километров, пять суток езды в пассажирском экспрессе. Для человека, редко выезжающего из столицы, — расстояние огромное. Однако крупный промышленный и культурный центр — город на Ангаре живет полнокровной жизнью, словно ничего не подозревая о своей отдаленности.

Впрочем, в Заирске, через двое суток езды на большом комфортабельном пароходе, вам скажут примерно то же самое. Вы проглотите на таежном тракту до Усть-Кута, поразитесь мгновенно открывшейся панораме строительства крупного речного порта на Лене и вскоре от кого-нибудь услышите уже знакомое:

— Э, нет, настоящей Сибири вы еще не видели! Вот спуснитесь-ка по Ангаре хотя бы до Заирска...

И можете плыть еще два дня на таком же красивом пароходе до Киренска, живописно нависшего над Киренгой и Леной своими садами и парадными домиками, и еще дальше — до большого села Витим, где на старинных полатях дорожных столах расклеваны объявления о приеме в Байдиштинский горный техникум, и еще сутки вверх по угрюмой реке Витиму до города лесных шахтеров — Байдабо (ночью его электрические огни сверкают, как золотые самородки) — всюду услышите эти знаменитую фразу, свидетельствующую о полном отсутствии чувства отдаленности:

— Вот поезжайте-ка дальше... И можете плыть еще два дня на таком же красивом пароходе до Киренска, живописно нависшего над Киренгой и Леной своими садами и парадными домиками, и еще дальше — до большого села Витим, где на старинных полатях дорожных столах расклеваны объявления о приеме в Байдиштинский горный техникум, и еще сутки вверх по угрюмой реке Витиму до города лесных шахтеров — Байдабо (ночью его электрические огни сверкают, как золотые самородки) — всюду услышите эти знаменитую фразу, свидетельствующую о полном отсутствии чувства отдаленности:

— Вот поезжайте-ка дальше... И можете плыть еще два дня на таком же красивом пароходе до Киренска, живописно нависшего над Киренгой и Леной своими садами и парадными домиками, и еще дальше — до большого села Витим, где на старинных полатях дорожных столах расклеваны объявления о приеме в Байдиштинский горный техникум, и еще сутки вверх по угрюмой реке Витиму до города лесных шахтеров — Байдабо (ночью его электрические огни сверкают, как золотые самородки) — всюду услышите эти знаменитую фразу, свидетельствующую о полном отсутствии чувства отдаленности:

— Вот поезжайте-ка дальше... И можете плыть еще два дня на таком же красивом пароходе до Киренска, живописно нависшего над Киренгой и Леной своими садами и парадными домиками, и еще дальше — до большого села Витим, где на старинных полатях дорожных столах расклеваны объявления о приеме в Байдиштинский горный техникум, и еще сутки вверх по угрюмой реке Витиму до города лесных шахтеров — Байдабо (ночью его электрические огни сверкают, как золотые самородки) — всюду услышите эти знаменитую фразу, свидетельствующую о полном отсутствии чувства отдаленности:

— Вот поезжайте-ка дальше... И можете плыть еще два дня на таком же красивом пароходе до Киренска, живописно нависшего над Киренгой и Леной своими садами и парадными домиками, и еще дальше — до большого села Витим, где на старинных полатях дорожных столах расклеваны объявления о приеме в Байдиштинский горный техникум, и еще сутки вверх по угрюмой реке Витиму до города лесных шахтеров — Байдабо (ночью его электрические огни сверкают, как золотые самородки) — всюду услышите эти знаменитую фразу, свидетельствующую о полном отсутствии чувства отдаленности:

— Вот поезжайте-ка дальше... И можете плыть еще два дня на таком же красивом пароходе до Киренска, живописно нависшего над Киренгой и Леной своими садами и парадными домиками, и еще дальше — до большого села Витим, где на старинных полатях дорожных столах расклеваны объявления о приеме в Байдиштинский горный техникум, и еще сутки вверх по угрюмой реке Витиму до города лесных шахтеров — Байдабо (ночью его электрические огни сверкают, как золотые самородки) — всюду услышите эти знаменитую фразу, свидетельствующую о полном отсутствии чувства отдаленности:

— Вот поезжайте-ка дальше... И можете плыть еще два дня на таком же красивом пароходе до Киренска, живописно нависшего над Киренгой и Леной своими садами и парадными домиками, и еще дальше — до большого села Витим, где на старинных полатях дорожных столах расклеваны объявления о приеме в Байдиштинский горный техникум, и еще сутки вверх по угрюмой реке Витиму до города лесных шахтеров — Байдабо (ночью его электрические огни сверкают, как золотые самородки) — всюду услышите эти знаменитую фразу, свидетельствующую о полном отсутствии чувства отдаленности:

— Вот поезжайте-ка дальше... И можете плыть еще два дня на таком же красивом пароходе до Киренска, живописно нависшего над Киренгой и Леной своими садами и парадными домиками, и еще дальше — до большого села Витим, где на старинных полатях дорожных столах расклеваны объявления о приеме в Байдиштинский горный техникум, и еще сутки вверх по угрюмой реке Витиму до города лесных шахтеров — Байдабо (ночью его электрические огни сверкают, как золотые самородки) — всюду услышите эти знаменитую фразу, свидетельствующую о полном отсутствии чувства отдаленности:

— Вот поезжайте-ка дальше... И можете плыть еще два дня на таком же красивом пароходе до Киренска, живописно нависшего над Киренгой и Леной своими садами и парадными домиками, и еще дальше — до большого села Витим, где на старинных полатях дорожных столах расклеваны объявления о приеме в Байдиштинский горный техникум, и еще сутки вверх по угрюмой реке Витиму до города лесных шахтеров — Байдабо (ночью его электрические огни сверкают, как золотые самородки) — всюду услышите эти знаменитую фразу, свидетельствующую о полном отсутствии чувства отдаленности:

— Вот поезжайте-ка дальше... И можете плыть еще два дня на таком же красивом пароходе до Киренска, живописно нависшего над Киренгой и Леной своими садами и парадными домиками, и еще дальше — до большого села Витим, где на старинных полатях дорожных столах расклеваны объявления о приеме в Байдиштинский горный техникум, и еще сутки вверх по угрюмой реке Витиму до города лесных шахтеров — Байдабо (ночью его электрические огни сверкают, как золотые самородки) — всюду услышите эти знаменитую фразу, свидетельствующую о полном отсутствии чувства отдаленности:

— Вот поезжайте-ка дальше... И можете плыть еще два дня на таком же красивом пароходе до Киренска, живописно нависшего над Киренгой и Леной своими садами и парадными домиками, и еще дальше — до большого села Витим, где на старинных полатях дорожных столах расклеваны объявления о приеме в Байдиштинский горный техникум, и еще сутки вверх по угрюмой реке Витиму до города лесных шахтеров — Байдабо (ночью его электрические огни сверкают, как золотые самородки) — всюду услышите эти знаменитую фразу, свидетельствующую о полном отсутствии чувства отдаленности:

ны жизненного пути» (и едва достигли середины пути школьного), чьи будущие книги создавались в годы Отечественной войны, а издавались в годы первой послевоенной пятилетки.

Для меня 1949 год — год приема в Союз советских писателей. Поздравляя от имени приемной комиссии ССП, поэт Александр Жаров сказал мне:

— Мы принимаем вас, как равного, в нашу большую семью... Не знаю, как товарищ Жаров, а я хорошо запомнил его добрые слова.

Дело, конечно, не во мне. У каждого — свои возможности, свои способности, больше или меньше дарование. Но, положив руку на сердце, надо сказать, что мало кому из живущих на периферии (я говорю о поэтах-сибиряках, которых хорошо знаю) присуще это ощущение «равного в большой семье». Не секрет, что работа большого отряда поэтов, живущих на периферии, как правило, остается все поля зрения Союза писателей и его печатных органов. Появление в столичном журнале или газете рецензии на книгу стихов, вышедшую в областном издательстве, — явление весьма редкое. В ежегодных обзорных статьях и докладах об итогах поэтического года (читаете ли вы будете искать фамилию поэта, живущего далеко от Москвы. А ведь подолжает итоги поэтического года Советской страны!

Дело тут не в дележке «курщины славы». На периферии живут поэты разные и, разумеется, не все хорошие. Служда в оценке их работы не нужна. Но сама оценка работы необходима.

Не так давно в книжном обозрении «Литературной газеты» Михаил Светлов искренно и горячо отозвался о попавшейся ему случайно книжке стихов для детей иркутянина Иннокентия Луговского. Я люблю поэта Светлова, но меня, признаться, удивило его умление. «Я всегда полагал, — говорит Светлов, — что существует один Луговский, в Москве, а не нет, есть один, в Сибирии!»

Иннокентию Луговскому — 50 лет, добрую половину жизни он работает в поэзии, написал ряд книг, не менее интересных, чем та, которую прочитал Светлов, его стихи давно печатаются в журналах и альманахах Сибири и Дальнего Востока, рецензии на книги появлялись и в центральной печати. А Михаила Светлов на страницах «Литературной газеты» удивляется своему запоздалому открытию, вдобавок произведи И. Луговского в детские поэты.

Могут сказать: лучше позже, чем никогда. Но лучше во-время, чем позже! «Позже» уже было в дальневосточном Петров Комаровых: «открылся» настоящего, хорошего поэта, а человек уже умер.

Незнание поэтов периферии, невнимания, а порой и просто пренебрежение к их труду отрицательно сказываются не только на их работе. Я думаю, что это отражается и на росте всей нашей единой, большой советской поэзии, которая должна вытравить в себя все богатство речевых оттенков областей и краев, все краски, все пейзажи необъятной России.

Вот еще одно любопытное явление. Поэты-иркутяне в течение многих лет ведут большую работу по переводу на русский язык произведений своих соседей — поэтов Бурят-Монголии и Якутии. Стоит вспомнить хотя бы покойного Анатолия Ольхана, который, по существу, открыл русскому читателю ряд интересных поэтов этих республик. Комиссия же по литературе народов СССР Союза советских писателей, фактически ничего не зная об этой работе, тратит значительные средства на оплату поездок из Москвы в Улан-Удэ и Якутск поэтов-переводчиков, порой совершенно не знакомых с историей, литературой, бытом народа, а языка которого они призваны переводить. В этом, несомненно, тоже сказывается недоверие к местным писательским силам.

Не от этих ли всех причин появляются «переселенцы»: некоторые писатели «бегут» из областей в столицу. От большей части подобных переездов состояние литературы в областях проигрывает, в столице — не выигрывает.

Поэты Москвы, к сожалению, плохо связаны с литературной «отдаленкой». Мне лично немало помогли переписка и встречи с моими старшими товарищами — поэтами-москвичами В. Инбер, С. Васильевым, П. Антокольским, А. Якимовичем, Н. Заболоцким. Однако, как правило, связи такого рода редки, непрочны и недолговечны.

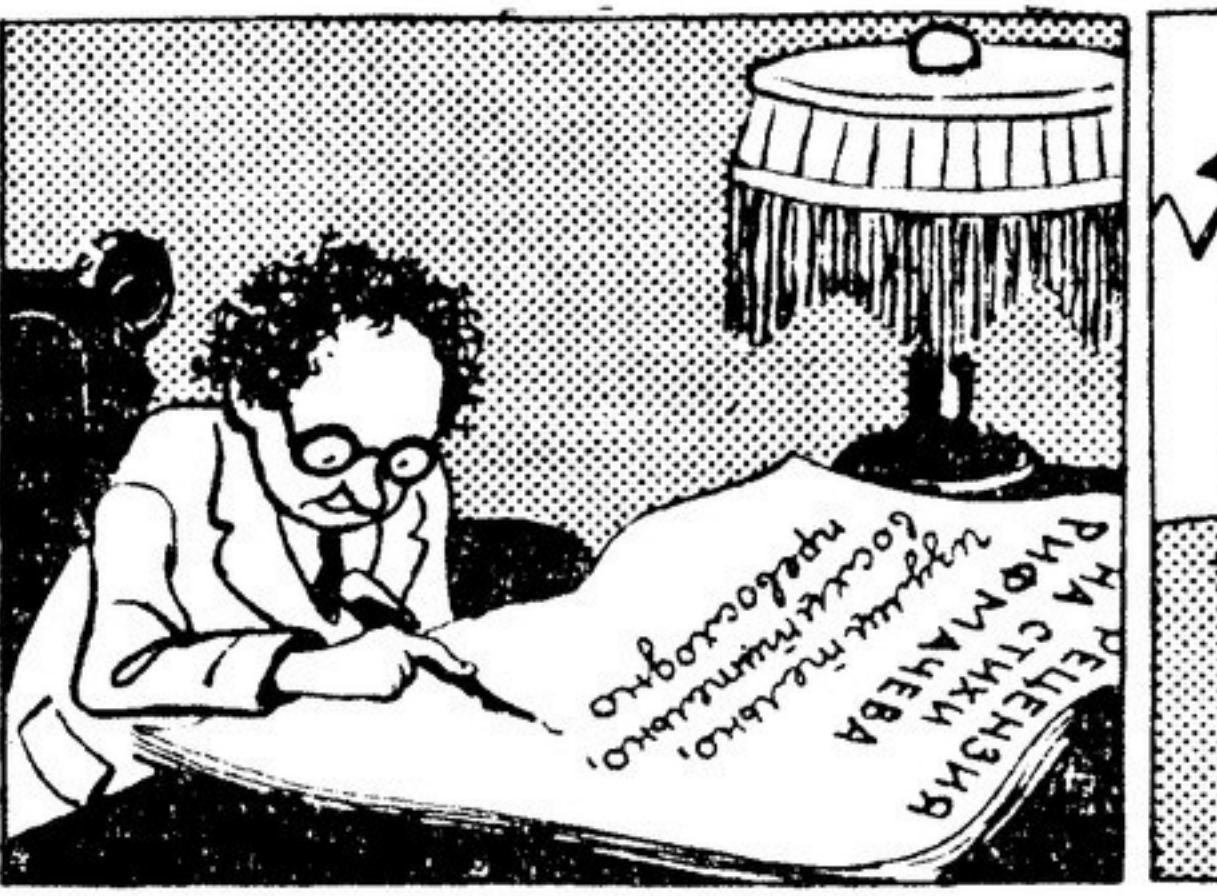
Поэты Сибири, каждый в меру своих сил, делают большое общее дело. У них есть своя немалая аудитория, свой читатель, и, строго говоря, поэтические книги не так уж часто залеживаются на полках наших книжных магазинов.

Сказанное мною здесь — не жалоба, а несколько критических замечаний в надежде на то, что на предстоящем Втором съезде советских писателей больше внимания, чем до сих пор, будет уделено и так называемой литературной отдаленке.

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ ИРКУТСК

Поэт обхаживал критика

Критик обхаживал читателя

А читатель обходил книжку поэта

Рис. Е. Горохова

Печать всех стран мира публикует отклики на ноту Советского правительства...

Внимание общественного мнения во всех странах все больше привлекает проект «Общевосточного договора о коллективной безопасности в Европе»...

Нота Советского правительства западным державам последовала в момент, когда миллионы простых людей во всех европейских странах...

Нота Советского правительства со всей четкостью ставит вопрос об угрозе, которую несет политика возрождения германского милитаризма...

Нота Советского правительства открывает путь к дальнейшему ослаблению международной напряженности...

Аденауэр: — Надеюсь, малам...

...мы сумеем договориться... Рис. Е. Гурова

ЦИТАТЫ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

В конце прошлой недели в Париже, как известно, закончился ряд северных дипломатических переговоров...

Парижские переговоры проходили в обстановке все возрастающего протеста населения западноевропейских стран...

«Наступило время перед лицом опасности, угрожающей всем нам, от бесплодного отрицания перейти мужественно и уверенно к национальному новому порядку в Европе».

«Федеральная республика — это Германия. Все другие немецкие области являются отброшенной и умышленно удерживаемой территорией, которая должна быть возвращена».

«Мы, немцы, должны не говорить о ремилиитаризации, а действовать: молча, но быстро».

«Облик Западной Европы, а затем и всей Европы коренным образом изменится от участия в обороне западногерманских континентов».

«Выступая вчера на пресс-конференции, организованной в Бад-Эмсе по случаю первого собрания переселенцев...»

Аденауэр: — Клянусь... Рисунок художника Бека из французской газеты «Юманите»

НА ВЫСТАВКЕ В ПЕКИНЕ

Я шел в общем людском потоке. Он начался почти от самых крепостных ворот Сичжиминя. Величественные, необоримой толщиной эти ворота давно уже погосели.

В каком-то мгновении мы потеряли из виду звезду, но за новым поворотом перед нами сразу поднялись и звезда, и шпиль, и башня над главным входом.

И смотрел на людей, шедших впереди и сзади меня. Головы их попеременно были приподняты и глаза смотрели на четыре золотые буквы — «СССР».

Знаете, о чем я сейчас думаю? — сказал он. — Вот уж лютый раз приезжаю в Пекин и каждый раз вижу его все более молодым, честнее, слово.

Выставочные павильоны все более приближались. Раскрылись флагиштыки с развевавшимися над ними полотнищами.

Я пошел вслед за ними. Тракторы, самоходный зерновой комбайн, кукурузный комбайн, хлопкоуборочная и другие машины...

В центре аванзала — макет всех выставочных павильонов. Около него люди останавливаются ненадолго. Зачем долго рассматривать макеты, когда вот она сама выставка.

И не буду описывать или перечислять экспонаты. Советские читатели знают, что имеет наша страна, что она могла послать на китайским друзьям на выставку, знает также о том даре, который преподнес Китаю с выставки.

Известно по всему Китаю отличники труда Чжан Мин-тан, Чао Го-ю, Ван Чун-гуань. Ма Хан-чан и Ли Фан-лин переходили от станка к станку, внимательно читали объяснения, делали пометки в блокнотах и восхищались: «Вот это здорово!».

Первые с кем я познакомился в сельскохозяйственном зале, были два молодых человека из провинции Хэйбэй — Ду Сун-чэн и Ду Тай-ини.

Атомный патер

Мы никогда не видели Хозе Мариа де Льяноса, о чем, кстати сказать, не очень сожалеем.

Мы знаем только, что Хозе Мариа де Льяноса носит сан священника. И можем предположить, что по этой основной своей специальности он, видимо, не сильно загружен.

Предположить, что кто-нибудь пошел на службу к американским империалистам просто так, по влечению души, мы не можем, потому что трудно представить себе человека именно с душой, согласившегося служить человеконенавистничеству.

В качестве отхожего промысла этот патер избрал проамериканскую публицистику, благо у него бойкое перо, такое бойкое, что не сразу угадаешь, кто водит этот пером: подлинно ли священник или самый отвратительный американский гангстер, какой-нибудь Джек-потрошитель.

В мадридском еженедельнике «Хувентуд», который издается, как явствует из специального уведомления, с расчетом «на всех испанцев», есть раздел: «Что мы дали богу?».

Оказывается, «богу» выдано или, точнее, на чем и настаивает Хозе Мариа де Льяноса, бог выдал новую статью расщепленных атомов».

Американский служащий, он же испанский служитель культа, приписывает богу, его якобы всевышнему, божему величию, взрывы атомных и водородных бомб, произведенные американцами на островах Великого или Тихого океана.

«...В то время», — пишет он, — как робкие и запуганные осеняют себя крестным знаменем и содрогаются при мысли об этой величайшей и самой ошеломительной новости наших дней, о горстке атомов,

как умело расщепленных, мы, паборот, чокнемся с небом величественным грохотом взрывов, вздыбленным мовом, вздыбленным мовом, яркими вспышками пламени и тончайшей радиацией, пронизавшей пространство».

Вот в какой холуйский восторг пришел от этих взрывов, сулящих человечеству массовую гибель, Хозе Мариа де Льяноса!

«Он (то есть — бог. — П. Н.), — пишет дальше священник, — является хозяином этих сил (то есть — атомных и водородных бомб. — П. Н.) вплоть до малейшей частицы. Это он приказывает им взрываться и сметать все на своем пути».

Значит, по словам католического патера, это не империалисты США, а сам бог приказал погубить японских рыбаков, оказавшихся в зоне испытания американских бомб, это бог привел к медленному умерщвлению жителей Маршалловых островов. Значит, это все его, божева, воля.

Хозе Мариа де Льяноса прямо так и заявляет: «...Это кара, испытываемая всемогущим, бич божий, увидевшим некогда пророками и возмещающий о конце света, бич божий на нашей плоти. Но и в этом случае, — кликушески призывает де Льяноса, — восславим его, потому что его справедливость, проявившаяся, наконец, так прекрасна!»

Почему с таким усердием восхваляет ниспосланные небом «блага» атомной бомбы кровавый испанский патер? Потому, что тиран Франко запроектировал американские военные территории Испании в качестве базы для атомной войны...

Удивительно, как будто, нечему. Человечеству издавна известна особая кровавая роль в истории испанских иезуитов. Известно, что, например, деятели инквизиции не часто вспоминали такую заповедь христианства, как «не убий».

Но даже наиболее подлые духовные предки Хозе Мариа де Льяноса не ропщали действовать на глазах всего человечества с такт откровенным подлизом, как действует их малочисленный потомок в журнале «Хувентуд», на службе у атомных спекулянтов Соединенных Штатов Америки.

Можно только еще раз, с болью в сердце, посочувствовать благородному и талантливому, мужественному и многострадальному народу Испании, создавшему великую и древнюю культуру, но все еще не освобожденному от папской тирании Хозе Мариа де Льяноса.

Письма итальянских друзей

...Однажды слушавшая одного из ленинградских учреждений Софья Луценко прочитала появившуюся в русском переводе статью прогрессивного итальянского писателя Феличе Киланти.

Писатель быстро ответил корреспонденту из Советского Союза. Он поздравил ее с успехами в изучении языка.

«Как приятно», — сказал мне один пекинец, — притронуться к экспонатам, которые несут на себе тепло рук наших друзей, их искреннее чувство любви и уважения к нам!».

Она продолжала и сейчас. Письма из Италии продолжают приходить в маленькую квартиру, где живет Софья Луценко. Письма эти пишут разные люди, но в них очень много общего.

Второе письмо написал Джузеппе Каппелли, безработный из Специи. Он послал Софье Луценко две книжки писателя Синальды Алерамо.

Так несколько месяцев назад началась эта интересная переписка. Она продолжается и сейчас.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.